Михаил Полыгалов

Заёкальная сторона

Каменск – Уральский
2012 год

Полыгалов Михаил Павлович родился в 1961 году в городе Каменске – Уральском. Окончил Каменск – Уральский алюминиевый техникум, работает в ООО «РТЦС» электромонтёром по ремонту и обслуживанию электрооборудования.

Стихи публиковались в коллективных сборниках, вышедших в Москве и на Урале. Электронный адрес страницы на сайте «стихи.ру»
http://www.stihi.ru/author.html?sonetych

© Полыгалов М.П.,

ВОЗВРАЩЕНИЕ В КАМЕНСК

Объявили посадку на поезд «домой»
И толпа земляков потекла по перрону,
На платформе сгустилась и встала стеной
В ожидании штурма продрогших вагонов.

Электричка до Каменска - вот и она.
Продавившись в вагон, где работают печки,
(Повезло несказанно!) сажусь у окна,
Жаль, заняться в дороге особенно нечем.

Пошуршу разноцветной газетой сперва,
Бутерброды измятые всмятку достану.
Да соседа, шутя, разведу на слова
А потом вдруг прильну к ледяному экрану:

Глаз не хватит вместить панорамный Урал
От морозов декабрьских сиренево – синий.
Мне б таланта да краски - всю жизнь бы писал
Эту милую сердцу частицу России!

Засмотревшись, забыл, что домой тороплюсь.
Не заметил, где вышел сосед говорливый.
А в глазах – до макушек заснеженный куст
Средь берёз тонконогих да зарослей ивы.

Вот и мост через Каменку. Едем ползком
Сквозь лесок, где любая сосёнка знакома.
Так бы с поезда спрыгнул и дунул бегом:
Слышишь, Каменск? Я здесь! Я вернулся! Я дома!

ГОРОДСКАЯ ТРАВА

На газоне сквозь снег зеленеет трава
Оживляя собою пейзаж городской.
Не пожухла, хоть мерзла не день и не два -
Я склонился пред ней и погладил рукой.

Безымянная травка дрожала слегка
Вся в слезах от макушек до самых корней:
- Знаю-знаю, что доля твоя не легка,
Доживёшь ли под снегом до солнечных дней?

Доживешь! Если только корнями сильна,
Если трактор шальной до прихода Зимы
Не застрянет в газоне, газуя спьяна…
Я хочу, чтобы в мае вновь встретились мы.

Я такой же, как ты, до корней городской,
Также воздухом свежим вовек не дышал,
Также жажду Зимы, чтоб уйти на покой
И Весны дожидаться, уже не спеша.

Также стану корнями я детям своим.
Я молюсь, чтоб жилось им не хуже чем мне,
И чтоб не был им горек отеческий дым
В нашей Бога забывшей предзимней стране.

ЗДЕСЬ

У дороги в поле
Крест восьмиконечный,
Деревянный, серый
Одинокий крест.
Покосился, правда,
Но прямые плечи
Выдают характер
Здешних вольных мест.

Здесь кресты и люди
Под палящим солнцем,
Леденящим ветром,
Проливным дождём
Не сгибают спины.
Здесь душой согреться
Проще, чем зимою
Чаем с коньяком.

Здесь мне в каждом доме
Не сквозь зубы рады,
Здесь я и де-юре
И де-факто свой.
А когда умру я -
Большего не надо,
Только у дороги
Крест поставьте мой.

* * *

Между летом и зимой,
Между зрелостью и смертью,
Осень жизни *круговертит*
Как листом кленовым мной:

То закружит в вихре страсти,
То слезами обожжёт.

Я в её печальной власти
До зимы не первый год

Счастлив и не привередлив.
Осень личную свою
Я люблю. Я с ней приветлив:

Слёз о прожитом не лью.
Ломятся от яблок ветки
Осенью в моём раю.

* * *

Отдельно взятая зима
В отдельно взятом государстве
Была помазана на царство
На время краткое весьма.

Но только лишь глашатай – ветер
Приход Зимы провозгласил,
Как вновь вернулось к людям лето.
У солнца в мае много сил.

Зима… растаяла бесследно,
Как сон, как тень. Была, и нет.
Так исчезает в небе летнем
Кометы одинокой след.

Мой век не дольше снега в мае -
Я также в вечности растаю

ЯБЛОКИ

Росла у хозяйки сада
На зависть соседям яблоня.
И сын у хозяйки сада
На радость родителям рос.
Но яблок от этой яблони
Ребёнку не доставалось.
Упало? … С земли? Не трогай!
На ветке? … Ещё не спелое.
То - вымой немедленно с мылом,
То - каши сначала поешь.
… Висели на ветках яблоки.
Как солнце закатное - алые,
Лежали на подоконнике
И в тазике под кроватью.
Отец их не ел, потому что
Ребёнку нужны витамины.
Не ела и мать, потому как
Она этот сорт не любила.
А сын их, упрямый мальчишка,
Из тазика брать не хотел.
Ребёнок был твёрдо уверен:
Соседские яблоки лучше.
Он помнил, как тетя Нина
Украдкой его угостила.
… Лежали и гнили яблоки,
Коричными* пятнами морщились,
Сначала на подоконнике
И в мусорной куче потом.

* Коричный - кирпично–оранжевый цвет.

ОЩУЩЕНИЯ

Бензина залью, и машина бежит веселее,
С получкой в кармане бодрее шагаю домой.
Я с женщиной рядом и в полночь глухую смелее,
И ей беспокоиться не о чём рядом со мной.

В июле дождливом порой холоднее, чем в марте.
А осень длиннее любой самой долгой весны.
И самым удачным бывает рывок на фальстарте,
И как же некстати мои прерываются сны …

БРАТИШКЕ

Почему ты уверен, что брат твой единокровный не просит сейчас милостыню?

Мой брат *бомжует* потому что
Не глуп, не слаб и не больной.
Он вечерами чистит уши
Бичам в прокуренной пивной.

Днём - на помойке *санитарит,*
Грязнющий, с вечною сумой.
Был - стопроцентный пролетарий,
Да.… Во дворе замерз, зимой.

В подъезд беднягу не пустили,
В подвал? Закрытый на замок.
… А я, братишка, и могилки
Твоей найти, прости, не смог.

117 КГ

На пластмассовом жёлтом и жёстком диване,
В электричке, в последнем вагоне, зимой.
Безмятежно храпел мой *напарничек* Ваня -
Мы с халтуры с ним ехали, в Каменск, домой.

В такт вагону Ванюха мотал головою.
Под расчёску постриженный, в шапке смешной.
Я? Не спал, но не слышал – не видел, как двое
Встали, нервно косясь, за моею спиной.

Слава Богу! Стоп-кран дёрнул *ангел-хранитель*.
(Кто ж ещё, как не ОН? Я поклясться могу).
И, проснулся Иван: «Мужики, чё хотите!»
А в ответ понесли эти двое пургу**:**

Дескать, знают меня, а … хотели порезать
Апельсинчик, который один на двоих ...
И … исчезли. Как будто пугнул из обреза,
Друг мой *этих*, с ножом, двух людишек лихих.

Поезд мерно качал прикорнувшего Ваню.
(Сто семнадцать кг и ни капли жирка!)
Только не было пломбы уже на стоп-кране
И саднила на шее царапка, слегка.

* * *

В коммунальной, от слова «коммуна», квартире,
В *пятьдесят кукурузном* весёлом году
Получили мы комнатку три на четыре -
Чем не место под пальмой в Эдемском саду?

Не мечтая о большем, в заботах о малом
Жили мы на сто двадцать рублей вчетвером,
А когда с *ночевой* к нам родня приезжала
Мне стелили отцовский тулуп под столом.

В нашу комнату дверь закрывалась лишь на ночь,
Да ещё если пьяный буянил сосед –
Фронтовик, бесшабашный и добрый Михалыч,
Под Тагилом за плен отсидевший семь лет.

У Михалыча было на север окошко,
Наше - бодро смотрело во двор и на юг.
И у нас, по–соседски, Михалыча кошка
Часто грела на солнышке шубку свою.

… Что ни год - коммунизм становился всё дальше,
Особняк получил наш бывалый сосед.
Целиком вся КВАРТИРИЩА стала вдруг наша.
Ждём гостей с *ночевой*. Отчего же их нет?

ПЛАЩИК

Непрохожая дорога.
Слякоть, ветер, гололёд.
Пешеходишка *убогой*
Палкой в луже ищет брод.

Только бы не поскользнуться!
Ноги мокрые - плевать.
Плащик чистый, хоть и куцый...
Ах ты! В Бога, в душу - мать …..

Джип, как бешеный, пронёсся
Лужа - в брызги. Пешеход...
Рукавом плаща утерся
И стоит себе, ревёт.

ДЕРЕВЕНСКИЕ КАНИКУЛЫ. 1970 ГОД.

Хлеб в деревню привезли,
Стар и млад у магазина.
Мужики гадают чинно:
"Много ль нынче напекли?"

Бабий трёп про огород
Да про Таньку – недотрогу:
«Девка честная, ей Богу!
Но отколь тогда живот?»

Пацаны играют в чику,
Витька курит *втихаря*...
Девяностый день каникул,
Как и первый, сгинул зря.

* * *

Моя сестра учительствует в школе,
Малокомплектной, сельской много лет.
Не по призванью и не поневоле.
Сложилось так - на всё её ответ.

Троих детей без мужа подняла.
Они по белу свету разлетелись.
Звонят, конечно: « Мама, как дела?»
Сестра: «ЧП у нас на той неделе!

Илютин Вася притащил щенка.
Всё б ничего, но с перебитой лапой.
А мы искали фельдшера пока,
Щенок от страха горку сделал на пол …».

Сложилось так, что и живёт сестра
В своей родной начальной сельской школе.
Покуда есть в деревне детвора
Сестра моя - Учитель. Поневоле.

ЗАЁКАЛЬНАЯ СТОРОНА

Я в деревню к родителям на день пришёл,
Поразмялся с «литовкой», воды натаскал.
А потом посидели с отцом хорошо,
Порыбачили вместе у тамошних скал.

Как клевало - смолчу, не о том разговор.
А скажу, как *заёкало* сердце в груди,
Лишь увидел с пригорка родительский двор:
Домик - крыша во мху, огород позади.

Всё знакомо: на ощупь, на запах, на цвет.
От засова калитки до крынок в клети.
Даже воздух, которым дышал с детских лет,
Вспомнил, стоило мне только в избу войти.

… А когда тень ворот доползла до крыльца
И пахнуло откуда – то банным дымком
Второпях обняв мать, тиснув руку отца
Я ушёл, чтоб не раз возвращаться. Потом.

* * *

Что-то с сердцем у мамы моей:
Ноет, жжёт при любой непогоде
Но, по старой привычке своей,
К докторам моя мама не ходит:

Валидол под язык, и … вперёд.
Как я только её не просила,
Чтоб она, на свой сад-огород,
Пока сердце болит, не ходила?

Чтоб здоровье своё берегла,
Ради дочек своих, ради внуков,
Но, редиска на грядке взошла
И торчат в небо стрелочки лука.

КАМЕНКА

Каменка по камушкам,
Я – по бережку.
Шла я с речкой рядышком
К милому дружку

Вдаль бежит, не ленится
За волной – волна
Где мы с милым встретимся
Знает лишь она

Там тальник раскидистый
У Богатырька
Там река извилиста
И не глубока.

Мы возьмемся за руки
Помолчим, потом –
Вместе речку Каменку
Провожать пойдем

Где с Исетью встретилась
Каменка моя
Там впервые с Васею
Целовалась я.

У дружка, у Васеньки
Возле речки дом
Пожениться осенью

Предлагает он
Как же может Каменка
Не впадать в Исеть,
Как же мне за милого
Замуж не хотеть?

ГОРОЖАНКА МОЯ

О, моя горожанка, на шпильках и в мини,
Утомлённая зноем рабочего дня,
С девяти до шести отстояв в магазине,
Ты спешишь в институт, душный вечер кляня.

Понимаю - в жару загорелые ноги
Нелогично скрывать от прохожих мужчин,
Привлекая внимание многих и многих
Ты надеешься - встретится только один.

Для него одного неустойчивость шпилек,
И округлых коленок уральский загар,
Но соседки – старухи заочно решили,
Чтоб продаться, ты свой оголяешь товар.

Горожанка моя, в предпоследнем трамвае
На сиденье устало опустишься ты,
Снимешь туфли, и вдруг, так оно и бывает!
Однокурсник – отличник подарит цветы.

АПОКРИФ

Садовником был я у Бога – Отца.
Жилось, как в раю - беззаботно:
Обход в понедельник провёл с *утреца*,
И… вольный до самой субботы.

Верхом на гепарде гоняю, да льву
Репей выдираю из гривы.
Порою и яблок для Евы нарву,
На вкус её, значит, червивых.

Мудрейшая Ева учила меня:
«В неспелых червей не бывает,
И червь, он почти что , змея, как и я.
Ты понял?» Послушно киваю.

В субботу обычно в саду я кадил,
И счастлив был ладан вдыхая.
А на выходной к нам Господь приходил,
Гулял, от забот отдыхая.

Так жили мы с Евой, не зная забот
Червивые яблоки ели.
Бывало, болел после яблок живот,
Но всё ж посредине недели.

А тут всю субботу крючком пролежал,
И Ева кадить отказалась.
Господь в воскресенье, пришёл, подышал…
Спросил, значит, что со мной сталось?

Я честно - мол, Ева мне яблок дала,
А Еву ты сам дал мне в жёны.
Господь нам - понятно, какие дела.
Червей можно есть, но … сушёных.

Что съел ты сырого - немного беды,
От этого не умирают.
Но кто был садовник: она или ты?
И тотчас нас выгнал из рая.

ПОЭТЕССЕ*

А если можешь - не пиши стихов –
Поэт в России – это очень больно.
Ты женщина, и этого довольно,
Чтоб быть счастливой, если есть Любовь.
И сам я не писал бы, если б мог.
Вчитайся в биографии Поэтов –
Средь них благополучно живших нету.
Талант оплачен так, что не дай Бог.
Твои стихи настолько хороши,
Что я прошу - судьбу не искушая,
Тревожно и печально не пиши.
Живи, покой душевный сохраняя.

* Посвящается Татьяне Фёдоровой,
автору поэтического сборника «Ледоломка».

ИМПРОВИЗАЦИЯ НА СКАЗКИ А.С. ПУШКИНА

1

Шамаханскую девицу
Царь Додон привёз в столицу,
Звездочёта увидал -
С просьбой тот к царю пристал:
«Помнишь старый уговор?
Так пусти меня в шатёр,
Я хочу с твоей девицей
Хоть разок уединиться…»
Что тут скажешь старикам?
C'est la vie, cherche' la femme…

2

Жил старик со своею старухой
У самого синего моря,
Раз он в море закинул невод
А на берег вытянуть не может
Полон невод рыбками златыми,
Уж не знает старик: что и делать:
То ли вдоволь накормить старуху,
Самому ль владыкой стать над морем…

3

Здесь великана голова
Храпит притворно при народе…
(Напоминает, что жива).
И так же кот по цепи ходит,
Русалки на ветвях сидят,
А на неведомых дорожках
В киосках, что на курьих ножках
Бутылки пива в ряд стоят.
Торгует там палёной водкой
Из урны бабушка Яга.
И к ней нетвердою походкой
Бредёт Кащей издалека…

4

А вот поп - толоконный лоб
Нанял Балду на работу,
А платить неохота…
А вот Балда.
Ушёл бы от попа, да куда?
Щёлкнет Балда попа по лбу,
И ест свою полбу.
А поп не дурак!
Надел на голову каску!
Щёлкай, щёлкай, Балда!
Вот и вся сказка.

БОЛДИНСКИЕ ВАРИАЦИИ

Осень в Болдино. Грязь по колено. Дожди
Сыплют третью неделю (скорей бы Зима!)
Няня карты раскинула - жди, мол, не жди,
А до первой пороши не будет письма

Ни от милой жены, ни от друга *твово,*
Ни газет, ни журналов - гадай, не гадай.
Ты тоскуешь, а ей там с детьми каково?
А пристанет опять тот француз – шалопай?

….Я проснулся в кибитке. Я ехал в Москву.
«*Двадцать верст псу под хвост*».
Не пускают. Чума.
Возвращаюсь. И вижу почти наяву….
Муза «Повести Белкина» пишет. Сама.

ДУЭЛЬ

На чёрной речке снег глубок,
Тропинку топчут секунданты.
Недобрый ветер валит с ног.
Заложник чести и таланта
Торопит время. Видит Бог:
Как долго русский гений Пушкин
Не замечал великодушно,
Как рос *препакостный* слушок
О том, как бабник, хлюст, повеса
С Его Мадонной, тет-а-тет…
….Но первый выстрел был Дантеса,
И умирал. Три дня. Поэт.

Н.Н.

«Но я другому отдана,
И буду век ему верна….»
(А.С. Пушкин)

Думала также
И делала также.
Верность хранила
Мужу – поэту,
Но не одиножды
И не однажды
В вальсе кружилась,
Скользя по паркету
С кавалергардом,
Красавцем Дантесом
(Где же был разум?)
Скользила по краю
Верности мужу.
Во власти кокетства,
Грех свой тогда ещё
Не сознавая….
Всё б ничего,
Да завистники злые,
Чёрные письма,
И Чёрная речка…
Траур, как водится,
Долго носила.
Верность в душе
Сохранила навечно
Мужу – поэту.

ПОХОРОНЫ ЗИМЫ

Зима отходит в мир иной,
Последние теряет силы.
На отпеванье пригласили
Уже скворцов. Свой путь земной
Зима, таясь дневного света,
Закончит вновь в овраге где-то.
Её души за упокой
Поставим свечку ближе к лету,
Зажжённую самой Весной.

АВГУСТ

Август - император лета
На траве, как на ковре,
Спит. А осень жёлтым цветом
Клёны красит во дворе.

В их тени, в траве высокой,
Император прикорнул.
То ли, свергнутый до срока?
То ли, на день взял отгул?

* * *

Одеяло снежное
С тротуаров сорвано,
На куски разорвано,
Брошено в кусты.
И лежит, измятое,
Грязно-белой ватою.
Кто же это сделал-то?
Месяц Март, не ты?

* * *

Гости пили, гости ели,
Гости песни хором пели.
Я под эти песни и заснул.

Просыпаюсь - дело к ночи,
Кот о кресло когти точит,
А гостей как будто ветер сдул.

Занавески парусами,
У кота усы в сметане…
Мне б его шугнуть, да нету сил.

На столе из браги лужа,
Кот мурлычет песню ту же,
Что и хор так славно выводил.

* * *

Толпа марафонцев рванула вперёд,
И жизнь у *вперёд* добежавших прекрасна:
(Лишь первым - медали, призы и почёт),
А все остальные бежали напрасно.
Нет толку от строчек *зачёт - незачёт*.

* * *

Рыжие проталины,
Лужи судоходные.
Щурятся на солнышко
Бледные прохожие.
Ветер как шампанское
Ударяет в голову.
Кажутся прекрасными
Строчки бестолковые.

* * *

Крем Азазелло, запах тины,
Из опостылевшей гостиной
В проём окна, как Маргарита,
Хотела Таня, но закрыта
Была на шпингалеты рама.
И дочь звала, проснувшись, маму.

АРАБСКИЕ НОЧИ

Мне слова твои кажутся слаще вишнёвых пастилок,
Мятной свежестью утра полны поцелуи твои.
Ты задёрнула плотные шторы и свет погасила -
Будет всё между нами, но только не будет любви.

Я уйду ещё затемно, молча и свет не включая.
Ты, сквозь сон, улыбнувшись,
помашешь ленивой рукой.
В чайхане привокзальной нальют мне зелёного чая,
Буду пить, обжигаясь такого же цвета тоской.

Сколько раз уходил от тебя, столько и возвращался.
Покупал на край света билеты и не уезжал.
Я в красавиц и умниц
не больше чем на день влюблялся
А с тобою от встречи до встречи по полгода ждал.

Зябким пальцам в ладонях моих и тепло и привычно,
Но тепла рук моих от других ты и не отличишь.
Ты играешь в любовь и играешь, признаюсь отлично.
Или, любишь, … да ты уже, милая, спишь.

* * *

Сколько бы не целовал...
Мало, мало, мало, мало!
А любимая устала,
Просит, чтобы не мешал.
Спать? Да это разве можно?
Мне не хватит ночи всей
Насладиться. Осторожно
Кудри женщины моей
Я целую. Спи, родная,
Мне сегодня не уснуть.
За окном луна седая
Освещает санный путь.
Завтра. нет, уже сегодня,
Я отправлюсь в край иной.
Ты проснёшься только в полдень
Не вдовой и не женой.

ЗЕРКАЛА

Если бы не зеркала,
Я б не знала, что старею.
Зрелость? Старость?
Чёрт бы с нею,
Если бы не зеркала!

Если бы не зеркала,
Я б не знала, что седею,
Что морщинки, как траншеи,
Расчертили кожу лба.

Если бы не зеркала,
Я любила бы смелее,
И … счастливее была,
Если бы не зеркала.

РАССКАЗ ВДОВЫ

Умер муж, а дочки выросли,
Замуж вышли, стали мамами.
Внуки шлют приветы письмами,
Поздравленья - телеграммами.

Обижаться, вроде, не на что,
И соседка, вон, завидует:
Муж её гоняет, грешную,
Сын в тюрьме, ну не обидно ли?

Ей от пенсии до пенсии
Не прожить, делюсь картошкою.
А она не без претензии:
«Что ж даёшь ты мне проросшую?
Стыдно брать».
Шутить пытается.
Дома - всё, что можно, пропито,
Сын посылки дожидается.
Денег … снега больше в тропиках!

…. Я одна живу, царицею.
Смерти жду, чтоб с мужем встретиться.
А соседка, вот завистница,
Говорит, мол, с жиру бесится….

ВЕК XXI. СЕНТЯБРЬ. БЕСЛАН.

Век двадцать первый.
Сентябрь. Беслан.
И, вроде бы, всё уже сказано:
И голос дрожал, и скупая слеза
Была по щеке размазана.
Дошли до Осетии
Тонны лекарств,
Игрушки и письма с поддержкой.
Но вдруг показалось,
Что всё это фарс,
Не раз повторявшийся прежде.
И я,
С очерствевшей от горя душой,
Словам президента не верил.
А он говорил:
«Вот поймаем, ужо…
Не люди они, и не звери…»
Но тех ли
Спецслужбы рванулись ловить,
По чести сказать, запоздало?
Чьи деньги отмыты в ребячьей крови,
Добрызнувшей и до Урала?
Молчат президенты,
Спецслужбы молчат.
Враг – *нелюдь,* коварный, жестокий.
И что обещал президент сгоряча
Не выполнить в сжатые сроки.
Всё реже и реже Беслан в новостях,
Изложенных вкратце.
Родителям - горе и годы спустя,
И я перестал улыбаться.

КАК ВСПОМНЮ – СЛЁЗЫ ВНОВЬ ТЕКУТ

По воспоминаниям Нины Михайловны Черных, репрессированной в 1931 году в пятилетнем возрасте вместе с родителями, (раскулаченными крестьянами Тамбовской губернии) на возведение металлургического комбината на реке Синаре, в наше время это Синарский трубный завод, сокращённо СинТЗ.

1

Ещё в семнадцатом году
Налог на землю отменили,
Долги арендные простили.
Хоть репу сей, хоть лебеду!

Кто бедно жил - не стал богаче
И даже после этих льгот.
Ведь, если *нету* даже клячи –
Любая льгота не спасёт.

А у кого в хлеву корова,
Конюшня не пустой стоит,
Кто, день не тратя бестолково,
Хоть что-нибудь да мастерит

Не для себя, так на продажу,
Тому - *полегче* стало жить.
В то время продразвёрстку даже
Решили власти заменить

На продналог. *Вздохнулось* легче
На время НЭПа всей стране,
Но если радость скоротечна –
Конца у горя - просто нет.

Так в декабре двадцать седьмого
Товарищ Сталин объявил:
«Колхозов будет очень много,
А кулаков, мы, мы истребим.

Эксплуататоров не будет!
Социализм - вот наша цель!
И, всем простым советским людям
Жить станет лучше, *веселэй*!»

2

Семья у нас была большая:
Сам дед Степан, семь *сыновей,*
Семь снох, (нас, внуков не считаю),
И были мы из «богачей».

Два дома, крытые железом,
Была и мельница своя.
Скот разводили, общим делом
Кормилась дружная семья

До тех пор как … не объявили
Степана «главным кулаком»,
В вагон-телятник посадили
И увезли. Потом наш дом

И мельницу в колхоз забрали
(Колхозу мельница нужней),
А нас в телятник побросали
И, целый месяц, по стране,

Везли, как скот. Нет, даже хуже!
Скотину больше берегут!
Не дай Бог - что, и кормят лучше,
Пока куда-нибудь везут.

Иван, мой дядя, двух девчонок
В дороге этой потерял.
Их, на одной из остановок,
В кустах охранник закопал,

Похоронил. А поезд дальше
От мест родных нас увозил.
И нам не вспоминалось даже,
Что вождь великий посулил.

3

Кам.Лаг. назвали «Синарстроем»,
По сути - те же «Соловки».
В землянках жили. Под конвоем
Враги народа, кулаки

Сначала чащу вырубали,
Да корчевали старый лес.
Потом - рыть котлованы стали
Для двух цехов, для новой ТЭЦ.

Два года мы в землянках жили.
Грязь, холод, голод, тяжкий труд
Немало жизней уносили –
Как вспомню - слёзы вновь текут.

В стране своей, в стране советской
Без документов и без прав
Мы стали - спецпереселенцы,
Ещё и взрослыми не став.

Принудработы после смены,
Чуть что не так - в штрафной барак…
А чтобы убежать не смели,
Наш комендант держал собак.

А зря. Крестьянам - кулакам
КамЛаг казался божьей карой,
И не противился властям
Ни самый молодой, ни старый.

Отцы работали, и всё.
Мы, чем могли им помогали.

И стены новых корпусов
В глуши уральской вырастали.

4

Как было сказано уже -
Лишь радость только быстротечна.
А в сердце боль - она навечно.
Она, как камень на меже.

Который, ни убрать, ни сдвинуть,
Но, по которому весной,
Шагая по раскисшей глине,
Находим мы участок свой.

Вот здесь посадим мы картошку,
Даст Бог, не будем голодать…
А в сердце боль - не понарошку,
Лишь только стану вспоминать,

Как я картошку ковыряла,
Мороженую, из земли,
Как хлеб, что мама оставляла,
Мы для неё же берегли….

Да мало ли камней на поле
Тревожной памяти моей?
Не хватит ли мне петь о боли,
О горьких фактах прежних дней?….

Завод, построенный отцами,
На их крови, на их костях
И в нашем рыночном бедламе
Стоит надёжно на ногах.

У внуков *спецпереселенцев*
Нет из-за прошлого проблем,
Но об невинно павших сердце
Болит и боль не снять ничем.

ВО ВРЕМЕНА АПОКАЛИПСИСА

Мы на земле живём - покамест,
Мы, лишь бы как ни будь, живём.
Божась с утра, днём - чертыхаясь.
А к вечеру, глядишь, помрём!

И будет ночь, и станет стыдно,
За то, что вытворяли днём:
Грешили нагло и картинно,
Заботясь только о земном,

Где точит ржа богатства наши,
Где рыщут воры - там и мы.
Как мухи в паутине - в фальши,
В сетях искусных князя тьмы

Запутались. Но грех гордыни
Сознаться в этом не даёт.
Живём, как мухи в паутине,
Которым был обещан мёд.

* * *

День краток, жизнь ещё короче.
Чуть двинешь стрелки и закат.
Страшней чем старость близость ночи.
Заманчив рай, реален ад.

Длинней чем жизнь дорога к Богу.
Но ты к нему не торопись.
Вполдня порою вся дорога.
Полшага сделал - помолись.

Не умереть бы до заката,
Раз до рассвета не дожить.
Я время торопил когда-то,
Сейчас и рад бы не спешить,

Но дней предзимних нет короче.
Чуть за полдень - уже закат.
Жизнь – день. А смерть подобна ночи.
Заманчив рай, реален ад.

ПОЛЁТ В …

Мы уже привыкли к взрывам,
К техногенным катастрофам.
В пропасть, падая, с обрыва,
Допиваем наспех кофе,
(Чтоб добро не пропадало).
Но, что жить осталось мало,
Не поверим, даже если
Из небытия воскреснет
Тот, кто с этого ж обрыва,
Как и мы, летел, стараясь,
Выпить, сколько сможет, пива,
На послед опохмеляясь,
… Даже если он расскажет,
Что привычка к катастрофам
Много хуже, чем однажды
Недопить из чашки кофе.

ЗАТКНИСЬ, ГОЛУБОРОЗОВЫЙ ПОЭТ!

«И дело даже не в том, … что набирает силу пока ещё шокирующая нас поэзия, воспевающая любовь геев, лесбиянок (кстати, в этой теме появились и по настоящему талантливые молодые авторы) …»

из газетной статьи

Ах, как чертовски привлекательна она,
Когда ласкает у подружки груди?!
Соски набухли, без вина пьяна …
… Гламурно – нежно – розовые будни.

Суббота. Площадь. Пара голубей
Взлетает ввысь из рук молодожёнов.
Толпа молчит, а в брак вступает … гей,
…В «гражданский» брак законом разрешённый.

Двух содержанок поцелуй взасос
Смакует даже местная газета.
- А что, нельзя?
- Да можно, не вопрос.

Нельзя «*любовью*» называть всё «*это*».

Талант - он может черт те что воспеть
И *лесбиянство* и педерастию.
Грех воспевать - что славословить смерть.
Заткнись, поэт, и будет жить Россия.

«По настоянью бабушки крещён»

Венок сонетов

1

По настоянью бабушки крещён
(Полгода мне всего тогда и было).
- Своих детей в младенчестве крестила.
А что внучок? Быть нехристем должон?!
А в октябре погода на Урале…
А до ближайшей церкви сорок вёрст…
Отцу в колхозе полукровку дали,
Чтоб, якобы, дров на зиму привёз.
Дорога к храму - первый в жизни путь.
В телеге тряской сорок вёрст - не близко.
А дождь пойдёт - и некуда свернуть.
Но, обошлось, хоть тучи плыли низко.
…Отцу сказали: «Окрестил – забудь!»
Я рос как все - дремучим атеистом.

2

Я рос как все - дремучим атеистом.
В советской. Школе. Места. Богу. Нет.
Зато в столовой Ленина портрет
Будил воображенье юмористов:
Ильич не то на завтрак приглашал,
Не то на смертный бой с капитализмом…
Уж он-то знал, чем страшен капитал,
И обладал завидною харизмой.
Ни в чем ни разу не был виноват,
В глазах народа оставался чистым.
И я, как Он, немного щурил взгляд,
Стремился быть повсюду активистом…
Не так уж много лет тому назад
И октябрёнком был, и коммунистом.

3

И октябрёнком был, и коммунистом,
С младых ногтей и до седых волос -
Как красной краской поролон - насквозь
Пропитан был идеями марксистов.
Пусть не читал не то что «Капитал» -
Передовицы в праздничных газетах, -
Но с каждым вдохом радость ощущал,
Что *Я Живу На Родине Советов*!..
Змеилась жизнь страны очередями.
Что ни генсек, то в сторону уклон.
Теряло святость коммунизма знамя,
Мозги и злато плыли за кордон.
А я упорно верил: «Ленин - с нами!»
…Не признавал ни храмов, ни икон.

4

Не признавал ни храмов, ни икон.
Я как бы знал, что нет на небе Бога,
И бабушку свою жалел немного,
Ту, по чьей воле я и был крещён.
Всё обошлось. А мог и простудиться!
И как родная бабушка моя
Могла поверить в святость той водицы,
В которую чуть не напрудил я?..
Воды с тех пор освящено немало,
И бабушку Господь давно прибрал
Страна вступила в стадию развала -
А Горбачёв болтал, болтал, болтал…
Я ж, заблудившись возле трёх вокзалов,
У экстрасенсов истину искал.

5

У экстрасенсов истину искал,
Сим детям лжи я, неразумный, верил.
Но от трудов «елен-блаватских-рерих»
Тошнило, вот я их и не читал.
Осилил семь томов про Кастанеду -
Да, ел мудрец вонючие грибы.
Про грех и карму Лазарев поведал:
Ах, как мы б жили, если бы не «бы»…
«Не бы», «не бы», «не бы» всему виной!
Когда б не ездил Ленин «по европам»,
Да на германца не пошли б войной -
Не грянул бы октябрь с переворотом.
… Я, чтоб узнать судьбу страны родной,
Ходил к гадалкам, верил гороскопам.

6

Ходил к гадалкам, верил гороскопам,
Точней сказать - не доверять не мог:
Уверен был, что их придумал Бог
Для жителей Китая и Европы.
А мы, уральцы, в выборе вольны,
Не европейцы и не азиаты.
Я гороскопы мерил, как штаны:
Те не сошлись, а те коротковаты.
А без штанов - что без подсказок свыше…
Взял гороскопы, упростил слегка,
Объединил… И так прекрасно вышло!
Счастливым был, не замечал пока,
Что я уже не Полыгалов Миша -
Телёночек, рождённый в год Быка.

7

Телёночек, рожденный в год Быка,
Подвид отряда неразумных homo.
Черт знает, кем по жизни был ведомый,
Руководимый - кем исподтишка?
Что - я? Страною управляли те же,
Кто мной, и это были силы зла.
Уж если я был безнадёжно грешен,
То рыба вовсе с головы сгнила.
Умом вчерашним русские сильны,
Иначе б жили лучше, чем в Европе:
Нос в табаке, и сыты, и пьяны
От обещаний приторней сиропа.
Когда ж проспали чуть не полстраны -
Мычал как все, как все глазами хлопал.

8

Мычал как все, как все глазами хлопал.
Долготерпив простой российский люд,
А если барин не особо лют,
Отцом родным зовут его холопы.
А барин нынче - кто к рукам прибрал
Не что-нибудь, а средства производства,
Вложив нажитый потом капитал
В заводик, обесцененный банкротством.
А что же нам, не столь «трудолюбивым»?
Почетный труд на благо их детей
И бедность, бедность без альтернативы
Под гул демократических идей?
Повсюду вне закона сверхнажива,
А по России - с ведома властей.

9

А по России…. с ведома властей…
Здесь помолчать бы было очень кстати.
Передохнём, уставший мой читатель?
Пускай подсохнут краски на холсте.
Не смазать чтоб, чтоб всё до точки точно,
Не переврать историю свою.
Мы к Богу все идём поодиночке -
И всё-таки идём в одном строю.
Мы мним себя солдатами Добра,
В любом из нас - и фарисей и мытарь,
Мы - жадные до всякого добра,
Как та старуха с треснувшим корытом.
А души наши лечат доктора
В овечьих шкурах, с Библией раскрытой….

10

В овечьих шкурах, с Библией раскрытой
Идут, прикрывшись именем Христа,
С навязчивой молитвой на устах,
С идеями благими - прозелиты.
Вся вера их – как будто напоказ
(По заблужденью или добровольно),
Но обещают каждому из нас
В размер верблюда лаз в ушке игольном.
«Мы, говорят, живём благополучно -
И вас научим благости своей:
Ведь над Россией тучи ходят кучно -
Христос, видать, давно забыл о ней…»
Навряд ли зная, *кто* у них попутчик,
Бредут миссионеры всех мастей.

11

Бредут миссионеры всех мастей.
Перечислять их - я не вижу смысла.
Со времени правленья Гостомысла
Их столько было, западных гостей.
Ломились к нам с мечами и в доспехах -
И вспять бежали, получив отпор.
Века прошли, но как в глазу помеха
Для запада Россия до сих пор.
По их словам – мы братья по Христу,
Для диалога всей душой открыты,
Больших различий нет ни по кресту,
Ни по Святым, ни даже по молитвам.
… Итоги «дружбы» видно за версту –
Плодятся секты, множат прозелитов.

12

Плодятся секты, множат прозелитов.
Все веры к нам! Виват, экуменизм!
А для иных и Бог – анахронизм,
И сколько вер - все воедино слиты.
В одном лице и Будда, и Христос,
Всемирный разум над планетой реет…
И думает иной уже всерьёз:
Не важно как, а лишь бы только верить.
Кому – не важно – доверяем душу,
Пилось и елось лишь бы повкусней.
А нам, несчастным, мёдом мажут уши
О новой вере, что всех вер верней.
Такие мы, один другого «лучше»,
У Православной Родины моей.

13

У Православной Родины моей
Один ли я - не блудный, но заблудший,
Имевший с детства и глаза и уши,
Прозревший только к зрелости своей…
Один ли я такой в ближайшем храме
На литургии праздничной стою,
Сухими от волнения губами
Целую крест и «Отче Наш» пою…
……..
Пока искал я истину «не там»,
Лет двадцать как стоял собор открытым.
Я ж всё хотел дойти до Бога – сам.
Искал свою, к Всевышнему, калитку,
И думал даже: «Мне не нужен храм,
Спасенье только в вере да в молитве…»

14

Спасенье только в вере да в молитве
Соборной, в храме, в подвиге поста,
В причастье к телу самого Христа,
Чтоб победить врагов в незримой битве.
… Иной агностик не поверит мне:
В мирской, мол, жизни нет и тени Бога.
Пошутит критик, что «сомнений нет,
Венок написан чересчур убого».
Что скажешь ты, любезный мой читатель,
Трудом моим не слишком утомлён?
Ты атеист, иль как и я - прагматик?
Ты православный и воцерковлён?
Я - нет пока. Но был, напомню кстати,
По настоянью бабушки крещён.

15

По настоянью бабушки крещён,
Я рос как все - дремучим атеистом.
И октябрёнком был и коммунистом,
Не признавал ни храмов, ни икон.
У экстрасенсов «истину» искал,
Ходил к гадалкам, верил гороскопам…
Телёночек, рождённый в год быка.
Мычал как все, как все глазами хлопал.
…А по России, с ведома властей,
В овечьих шкурах, с библией раскрытой
Бредут миссионеры всех мастей.
Плодятся секты, множат прозелитов.
У Православной Родины моей
Спасенье только в вере да в молитве.

ПРИМЕЧАНИЯ:

БЛАВАТСКАЯ Елена Петровна (1831-91), русская писательница и теософ. Странствовала по Европе, Сев. Африке, М. Азии, Сев. и Юж. Америке, Индии и Китаю. В 1859 возвратилась в Россию и с 1860 устраивала спиритические сеансы. Уехав в 1873 в США, печатала в американской прессе статьи по спиритизму. Приняла американское гражданство (1877). Под влиянием индийской философии основала в 1875 в Нью-Йорке Теософическое общество. В 1878 уехала в Индию, где с 1878 обосновалось Теософическое общество. В 1884 вернулась в Европу. Главные сочинения Блаватской: «Разоблаченная Исида» (1877), «Тайная доктрина» (т. 1-3, 1888-97).

РЕРИХ (урожденная Шапошникова) Елена Ивановна (1879-1955), русский религиозный философ. Жена Н. К. Рериха, участвовала в его Трансгималайской и Центрально-Азиатской экспедициях. С 1924 в Индии, разработала «агни-йогу», или учение «живой этики», на основе индийской духовной

традиции.
КАСТАНЕДА (Castaneda) Карлос (1935 —1998), американский этнограф и писатель. Долгое время жил среди мексиканских индейцев племени яки, изучая искусство шаманов. О своем пути к «тайному знанию» рассказал в многочисленных беллетристических произведениях, в т. ч. «Учение Дона Хуана».
ЛАЗАРЕВ Сергей Николаевич - автор серии книг «Диагностика кармы».
ГОСТОМЫСЛ - легендарный предводитель новгородских словен, первый князь или посадник (1-я пол. 9 в.).
ЭКУМЕНИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ (от ойкумена), движение христианских (первоначально протестантских) церквей за объединение всех христианских церквей. руководящий орган — Всемирный совет церквей (с 1948).
ПРОЗЕЛИТ (греч. proselytos), 1) человек, принявший новое вероисповедание. 2) Новый горячий приверженец чего-нибудь. Прозелитизм - работа по убеждению члена одной христианской общины перейти в другую христианскую же общину.

АГНОСТИЦИЗМ (от греч. agnostos - недоступный познанию), философское учение, отрицающее возможность познания объективного мира и достижимость истины; ограничивает роль науки лишь познанием явлений.

СОДЕРЖАНИЕ

Возвращение в Каменск	4
Городская трава	5
Здесь	6
Между летом и зимой	6
Отдельно взятая зима	7
Яблоки	8
Ощущения	9
Братишке	9
117 кг	10
В коммунальной, от слова "коммуна"…	11
Плащик	12
Деревенские каникулы. 1970 год.	12
Моя сестра учительствует в школе	13
Заёкальная сторона	14
Что-то с сердцем у мамы моей	14
Каменка	15
Горожанка моя	16
Апокриф	16
Поэтессе	18
Импровизация на сказки А.С. Пушкина	18
Болдинкие вариации	20
Дуэль	20
Н.Н.	21
Похороны зимы	22
Август	22
Одеяло снежное	22
Гости пили, гости ели …	23
Толпа марафонцев рванула вперёд …	23
Рыжие проталины	23
Крем Аазелло, запах тины	24
Арабские ночи	24
Сколько бы не целовал …	25
Зеркала	25
Рассказ вдовы	26

Век XXI. Сентябрь. Беслан. 27
Как вспомню - слёзы вновь текут 28
Во времена апокалипсиса 32
День краток, жизнь ещё короче… 33
Полёт в … 34
Заткнись, голуборозовый поэт! 35
По настоянью бабушки крещён … 36
Содержание 46